## ГЛАВА 20. СНОВА ПРОСТУДА

— Апчхи! — Ли Сычэнь шмыгнул носом и прикрыл лицо ладонью.

Голова гудела, мысли путались, и его то и дело тянуло в сон, но взгляд оставался прикованным к экрану телевизора. Там, сменяя друг друга, крутились кадры сегодняшних съёмок.

Перемотка, ещё раз перемотка… Наконец на экране мелькнул его силуэт. Сычэнь впервые видел отснятый материал «Религии и человечности», но чем дольше он смотрел, тем сильнее становилось странное, гнетущее чувство. В кадре он выглядел случайным прохожим, массовкой, в то время как Лэнс буквально царил на экране. Сычэню пришлось признать: если бы ему самому предложили выбрать, за кем следить, он не раздумывая выбрал бы Лэнса. Этот человек казался живым источником света, притягивающим все взоры.

— Апчхи!

Очередной приступ чихания вырвал его из раздумий. Ли Сычэнь потёр нос, чувствуя, как реальность окончательно расплывается. Кое-как, цепляясь руками за матрас, он вскарабкался на кровать. Здесь не было Мишель, и некому было беспокоиться о его простуде.

Сычэнь с головой зарылся в одеяло. Когда мягкая ткань наконец обволокла его, он невольно издал тихий, блаженный стон. Пусть это не шло ни в какое сравнение с тем уютом, что дарило присутствие мамы, но по сравнению с теми восемью годами, что остались позади, тёплая комната и мягкая постель казались верхом совершенства. На губах мальчика промелькнула слабая улыбка, и даже лихорадочный озноб на миг отступил.

***

Рано утром Лю Шаньчэнь проходил мимо комнаты Ли Сычэня. Повинуясь внезапному порыву, он толкнул дверь. Увидев на кровати плотный кокон из одеял, он не сдержал улыбки и уже собирался уйти, когда за спиной что-то раздалось едва слышимо. Голос был таким слабым, что Шаньчэню пришлось подойти почти вплотную.

— Мама… мамочка… почему ты меня оставила? — шептал мальчик по-китайски. В этом бреду, скрытая за чужим языком, прорывалась его самая сокровенная, глубокая боль.

Лю Шаньчэнь осторожно потянул одеяло:

— Карлос, пора вставать. Скоро съёмки.

— М-м-м… — Сычэнь медленно открыл затуманенные глаза. Увидев Шаньчэня, он улыбнулся и, по-детски раскинув руки, пробормотал: — Брат Шаньчэнь, обними меня…

Шаньчэнь на мгновение замер от неожиданности, но всё же притянул мальчика к себе. В ту же секунду он почувствовал, какой горячей была кожа Сычэня. Жар был ненормальным, пугающим. Он приложил ладонь к его лбу.

— Да ты совсем горишь! Карлос, у тебя лихорадка. Почему ты не выпил лекарство? Почему никого не позвал?

— Привык уже… так спокойнее, — в бреду Сычэнь перестал прятать своё истинное лицо. Он прижался к груди Шаньчэня, крепко обхватив его руками за пояс. — Брат Шаньчэнь, ты такой добрый ко мне.

— Тише, тише… Лежи здесь, я сейчас принесу лекарство.

Шаньчэнь попытался высвободиться, чтобы уложить больного, но Сычэнь вцепился в него ещё крепче. Слово «привык», сорвавшееся с губ мальчика, отозвалось в сердце Шаньчэня тупой, ноющей болью. Что же пришлось пережить этому ребёнку в прошлом?

— Не хочу отпускать. С тобой так хорошо, брат Шаньчэнь.

— Карлос, — голос Шаньчэня стал строгим, хотя в глубине души он чувствовал лишь беспомощность. — Нельзя упрямиться. Если болезнь запустить, станет хуже.

Строгий тон подействовал. Сычэнь внезапно разжал руки и пластом рухнул обратно на подушки.

Шаньчэнь успел подхватить его за плечи, смягчая падение. Кровать была мягкой, но при таком жаре подобные кульбиты не сулили ничего хорошего.

— Карлос, угомонись. Отдыхай, а я схожу за лекарствами, понял? — Несмотря на суровость слов, в его голосе сквозила обречённая нежность.

— Ха-ха, как весело! — стоило Шаньчэню подняться, как Сычэнь снова поймал его за руку. — Давай ещё раз, брат Шаньчэнь! Со мной так никто никогда не играл… ну давай же!

Он затряс руку мужчины, его глаза — всё ещё затуманенные лихорадкой — возбуждённо блеснули.

— Ладно, ладно. Сначала лекарство, а потом поиграем, идёт? — Лю Шаньчэнь окончательно сдался. Он и представить не мог, что обычно такой рассудительный и не по годам взрослый Ли Сычэнь может быть настолько по-детски… инфантильным. Слово «по-детски» казалось слишком мягким, но иного Шаньчэнь подобрать не мог.

— А? — Сычэнь озадаченно приоткрыл рот, словно информация усваивалась с трудом. Спустя пару секунд он сосредоточенно кивнул и выставил вперёд мизинец: — Тогда давай клясться на мизинцах. Говорят, если так пообещать, то уже нельзя передумать.

«Клясться на мизинцах?» — Шаньчэнь в замешательстве смотрел на тонкий палец мальчика. Он и подумать не мог, что когда-нибудь будет участвовать в подобных детских ритуалах.

Сычэнь, не дождавшись ответа, заволновался и снова затряс руку Шаньчэня:

— Брат Шаньчэнь, ну пообещай! Иначе я не буду пить лекарство!

— Хорошо, хорошо. Клянёмся.

«Видимо, больные и пьяные одинаково неблагоразумны», — мелькнуло в голове у Шаньчэня.

Лицо Сычэня озарилось счастливой улыбкой:

— Я знал, что ты самый лучший!

Он снова протянул мизинец, и Шаньчэню ничего не оставалось, как сцепить свой палец с его.

— Мизинец к мизинцу, клятва на сто лет, — забормотал Сычэнь. — Кто обманет — тот щенок.

Шаньчэнь уже хотел отстраниться, но Сычэнь не отпускал.

— И последний шаг! Без него клятва не считается.

— Ну, что ещё? — К этому моменту Шаньчэнь был готов выполнить любую глупость, лишь бы напоить ребёнка лекарством. Он гадал: почему Сычэнь в обычном состоянии и Сычэнь больной — это два разных полюса? Один — воплощение зрелости, другой — воплощение уязвимости семилетнего ребёнка.

— Нужно поставить печать, — Сычэнь выставил большой палец. — Брат Шаньчэнь, это наше соглашение.

— Договорились.

Завершив этот странный обряд, Шаньчэнь приготовился уговаривать его дальше, но Сычэнь неожиданно сам отпустил его руку.

— Брат Шаньчэнь, спасибо тебе.

С этими словами он юркнул под одеяло и почти мгновенно закрыл глаза, делая вид, что засыпает. Шаньчэнь в лёгкой растерянности постоял рядом, затем облегчённо вздохнул и погладил мальчика по горячему лбу.

— Карлос, я принесу лекарство. Нужно выпить его, чтобы поправиться.

— Угу, — отозвался тот, не открывая глаз. От его недавнего упрямства не осталось и следа.

Шаньчэнь вышел, уверенный, что мальчик просто выбился из сил. Но стоило двери закрыться, как Ли Сычэнь распахнул глаза. В его ясном взгляде не было и следа давешнего помутнения.

Лишь сам Сычэнь знал правду. Если вначале он и впрямь бредил, то позже сознание вернулось к нему, но он не посмел этого показать. Эта нелепая клятва на мизинцах была его давней, несбыточной мечтой. И Лю Шаньчэнь воплотил её в жизнь.

— Спасибо тебе, брат Шаньчэнь, — повторил он шёпотом.

Прошло немало времени, прежде чем Шаньчэнь вернулся со стаканом бурой жидкости.

— Карлос, режиссёр сказал, что раз ты простудился, сегодня на площадку можешь не приходить. Вот, это микстура. Вкус не очень, но ради здоровья придётся выпить всё до капли. Хорошо?

После всего случившегося Шаньчэнь невольно продолжал говорить с ним, как с маленьким, ласково уговаривая.

— Я выпью, — Сычэнь приподнялся на локтях. Щёки его всё ещё горели лихорадочным румянцем.

Он с кроткой улыбкой взял стакан и, даже не поморщившись, осушил его одним махом. Лишь допив, он судорожно выдохнул — вкус и впрямь был скверным.

— Спасибо, — он вернул стакан. — Думаю, я немного посплю и всё пройдёт. Брат Шаньчэнь, тебе ведь нужно на съёмки, не трать на меня время.

— Хорошо.

Шаньчэнь невольно сжал в кулаке конфету. Он рассчитывал подсластить горечь лекарства, если Сычэнь начнёт капризничать — именно поэтому он так долго отсутствовал, разыскивая

сладости. Но вернувшись, он обнаружил прежнего Карлоса: рассудительного и вежливого. Исчезла та детская непосредственность, и от этого в душе Шаньчэня почему-то стало пусто.

Сычэнь снова скрылся под одеялом.

— Раз сегодня нет съёмок, я высплюсь. Завтра буду в строю, нельзя задерживать команду. — Он заметил, что Шаньчэнь медлит. — Брат Шаньчэнь, что-то не так?

— Всё в порядке.

Шаньчэнь сжал кулак ещё крепче, так что обёртка тихо зашуршала в тишине комнаты. Сычэнь с любопытством уставился на его руку.

— Карлос… во рту очень горько? Хочешь конфету? — внезапно спросил Шаньчэнь.

— Конфету? — глаза Сычэня загорелись неподдельным интересом.

— Вот, — Шаньчэнь раскрыл ладонь, на которой лежала конфета в ярко-красном фантике. Он осторожно развернул её и поднёс к губам мальчика. — На, перебей горечь.

Сычэнь принял угощение. Сладость мгновенно разлилась во рту, смывая неприятный привкус лекарства.

— Как вкусно…

— Вот и славно. Спи теперь, а я пойду.

На этот раз Лю Шаньчэнь вышел не колеблясь. Закрыв за собой дверь, он тяжело выдохнул, чувствуя себя так, будто только что выполнил невероятно важное и сложное задание.

http://bllate.org/book/17536/1705069